

— Хватит! — Чжоу Цзыцянь резко поднялся, выхватил у него сигарету и бросил её на пол. — Если уж сплетничаешь, то хотя бы смотри, где находишься. Ты пришёл ко мне домой меня же порицать? Не кажется ли тебе, что это уже слишком?

— О, стыдно стало? — Ло Дун приподнял бровь, в его красивых глазах светилась насмешка. — Что, хочешь снова подраться?

— Ло Дун, не дави! Я терплю тебя ради Е Тао, а не потому, что боюсь. Лучше бы ты это запомнил.

— Я всё отлично понимаю! — Ло Дун усмешку сменил серьёзностью, он встал, и в нём внезапно проявилась скрытая суровость. — Слушай сюда, Чжоу. Если Ли Минцзюэ — это жаба, и я могу решить, оставить её в живых или раздавить, просто подняв или опустив ногу, то ты — всего лишь ещё одна жаба. Если ты посмеешь заползти мне на ногу и вызвать отвращение, раздавить тебя будет проще простого!

— Ты кто такой, чтобы указывать мне, что делать? — Чжоу Цзыцянь мрачно уставился на него, на лбу проступили вены. Видно было, что он действительно разозлился.

— Я слово сказал. Если не веришь, можешь проверить, — с презрением в голосе произнёс Ло Дун, его взгляд был острым. — Только потом не жалуйся, если я раздавлю тебя так, что от тебя косточки не останутся.

Видя, что двое противостоят друг другу, не уступая ни на шаг, Е Тао решил не вмешиваться. Он наклонился, взял на руки Баобао и направился к выходу:

— Деритесь. Придушите одного — и станет тихо.

Чжоу Цзыцянь окликнул его, но Е Тао не остановился. Чжоу тут же забыл про распрю с Ло Дуном, схватил пальто и бросился следом.

Ло Дун криво усмехнулся, вынул ещё одну сигарету и закурил. Не успел он сделать и пары затяжек, как Чжоу Цзыцянь вернулся один.

Ло Дун смотрел на него с лёгкой усмешкой:

— Ты ведь мастер притворяться. Почему же от пары слов сразу вспылел? Не хочешь, чтобы он узнал, кто ты такой на самом деле?

Лицо Чжоу Цзыцяня было холодно, словно покрыто льдом:

— Ты специально это сделал!

Ло Дун закурил сигарету, не спеша поправил манжеты и только потом произнёс:

— Просто проверил почву. Не ожидал, что ты так бурно отреагируешь. Нет, скорее, что ты так хорошо сыграешь.

Чжоу Цзыцянь больше не хотел быть шутком в его руках, с трудом подавил гнев и холодно сказал:

— Умник ты хитрый!

— Если бы я не был умным, как бы я узнал, что у тебя на уме? — Ло Дун усмехнулся, в его

глазах читалось презрение. — Ты и правда не брезгуешь ничем. Даже если его характер тебе нравится, он всё же носит лицо твоего племянника. Как ты можешь на него смотреть?

— Ты видел, как я на него смотрю? — Чжоу Цзыцянь скрипел зубами, ему хотелось раздавить этого назойливого идиота. — Разве я не знаю, кто он? Зачем ты мне это напоминаешь? Ты что, думаешь, я такой же дурак, как Ли?

— Лучше перестраховаться. Я просто слишком напуган за него, — Ло Дун вздохнул, выпуская дым, слегка нахмурился и затушил сигарету в пепельнице. — Ему не везёт. В прошлый раз он чуть не погиб из-за того, что не тех людей выбрал. Едва выжил. Я боюсь, что он снова наступит на те же грабли. Он сейчас ослеплён и совсем тебя не боится. Мне приходится за него беспокоиться.

— Ты слишком много берёшь на себя. Не забывай, ты всего лишь его друг. Как бы близко вы ни были, ты не можешь решать за него.

— А что не так с друзьями? — Ло Дун покачал головой, спокойно произнёс фразу, которая задела Чжоу Цзыцяня. — Нашу дружбу ты, посторонний, не поймёшь.

Если бы Чжоу Цзыцянь совсем не понимал, он бы не чувствовал себя так, будто кость застряла в горле. Проблема в том, что он видел, насколько близки эти двое. Е Тао мог доверить Ло Дуну свой дом, свой магазин и даже сироту — ребёнка своего благодетеля. Ло Дун не только не жаловался, но и хотел заботиться о нём ещё больше. Более того, когда Е Тао решил покинуть семью Чжоу, Ло Дун был готов лично о нём позаботиться. По сравнению с этим, Чжоу Цзыцянь действительно чувствовал себя чужим.

Ло Дун отряхнул пепел с брюк, взял пальто и встал:

— Нравится тебе это или нет, пока он в семье Чжоу, я буду часто навещать. Чтобы всё выглядело законно, это именное родство нужно закрепить. После Нового года я устрою пир, так что готовься.

С этими словами Ло Дун ушёл. А уж как Чжоу Цзыцянь к этому отнесётся и как объяснит всё своей семье, его не волновало.

Е Тао наслаждался тишиной. Когда Чжоу Цзыцянь нашёл его, он пил чай у Старейшины Лю, держа в руках полчашки ароматного напитка, рядом с ним сидела чёрная кошка. Его лицо было спокойным, как вода.

Чжоу Цзыцянь вошёл, Е Тао поднял на него взгляд, поставил чашку и позвал:

— Дядя.

Они вместе вернулись во внутренний двор, Е Тао налил чашку чая с женьшенем и ягодами годжи для молчаливого мужчины.

Чжоу Цзыцянь взглянул на травы на дне чашки и с горькой усмешкой произнёс:

— Мне действительно нужно успокоиться.

— Не ссорься с Ло Дуном. Он всегда был таким. Если ты будешь злиться, он подумает, что ты виноват. Если ты проигнорируешь его, он успокоится и отстанет, — Е Тао прекрасно понимал, что всё, что делает Ло Дун, делается ради него. Но на этот раз Ло Дун действительно

перестарался. Е Тао даже чувствовал себя неловко, слушая это.

— Не кажется тебе, что он слишком много вмешивается? — Чжоу Цзыцянь хорошо скрывал свои чувства, в его словах не было ни намёка на провокацию или критику Ло Дуна. Это был просто вопрос.

— Привык. — Е Тао не хотел, чтобы Чжоу Цзыцянь думал, что Ло Дун специально его достаёт. Он, редко делящийся с кем-либо, вдруг начал рассказывать Чжоу Цзыцяню о прошлом. — У Ло Дуна есть младший двоюродный брат. Родители мальчика живут за границей, и он практически вырос в семье Ло. Ло Дун и его брат были очень близки, они вместе росли. Когда брату исполнилось четырнадцать, его забрали. Мы познакомились как раз тогда. Ло Дун сказал, что я похож на его брата. Наверное, поэтому, познакомившись со мной, он начал заботиться обо мне, как о младшем брате.

— Всё хорошо в меру. Если заботы слишком много, тебе это тоже может мешать?

— Я ведь не его брат. Я не могу потерять свою волю только потому, что он заботится обо мне, как о брате. Если он переходит границы, я могу указать ему на это или прямо сказать, что он ставит меня в неловкое положение. — Е Тао взял кусочек печенья и начал кормить Баобао. — К тому же он не такой бестактный, как ты думаешь. Его забота основана на уважении.

— Но я слышал, что он был категорически против твоих отношений с Ли Минцзюэ, — Чжоу Цзыцянь знал, что Е Тао ценит Ло Дуна как друга, но не был уверен, насколько сильно. Поэтому он задал вопрос с долей заботы и любопытства. — С одной стороны друг, с другой — возлюбленный. Тебе было трудно?

— Главное, что ты понял, Ло Дун не специально тебя достаёт. Зачем копать так глубоко? — Е Тао поддержал Баобао, который чуть не упал с его колен, стёр сахарную пудру с его носа и только потом поднял глаза на Чжоу Цзыцяня. В его взгляде читалась лёгкая усмешка. — Если бы мы поменялись местами, и я бы стал выяснять твои секреты, а потом открыто обсуждать их, не оставляя тебе никакой приватности, что бы ты подумал?

— Прости. — Чжоу Цзыцянь замолчал, задумчиво отпил чая. Увидев, что Е Тао собирается уйти с Баобао на руках, он задержал его, проведя пальцем по ручке чашки. — Ты хочешь услышать полную правду о слухах, которые Ло Дун не договорил?

Е Тао ещё не успел ответить, как Баобао вцепился в подлокотник дивана и, подняв голову, посмотрел на Е Тао с нетерпением:

«Хочу послушать! Хочу послушать! Не верю, что мой дядя такой плохой, как говорит Ло Дун! Хочу знать правду!»

Е Тао снял маленькую лапку Баобао с подлокотника, взял его на руки, но не ушёл.

Чжоу Цзыцянь вынужден был признать, что Ло Дун был прав. Он не хотел, чтобы Е Тао его презирал. Он мог терпеть сплетни и пренебрежение других, но не мог смириться с тем, что Е Тао будет думать о нём плохо. Если уж ему пришлось открыть свои слабости перед Е Тао, он предпочитал сделать это сам, чтобы никто не мог приукрасить или исказить факты.

Брат Дун действительно переживает за дядю Е, как за родного ребёнка. Воспитывать дочь — это одно, но называть его «папой» может вызвать ненужные мысли. Я же вижу всё с высоты, и твои маленькие привычки в постели не ускользнут от взгляда бога-писателя.

Люди, дорожащие репутацией, если иногда совершат глупость, над ними будут смеяться какое-то время. Но если это происходит постоянно, они становятся посмешищем.

Е Тао верил, что они не просто вспыльчивые, но и не лишены ума, поэтому оставил их спорить, не вмешиваясь.

<http://bllate.org/book/17687/1650254>